

на – все вокруг оживает. Жить становится радостнее, веселее. Эвены начинают откочевывать на летние пастбища, угоня оленей от комаров и оводов. И каждый год эвены собираются в заранее обусловленном месте, поблизости от летних пастбищ. И вот, в один из таких прекрасных весенних дней старейшина рода обходит яранги и зовет своих сородичей на танец со словами: «Нээдэ, хуруйа, ханди, хунду, хи-гу, биһэн» или «Все выходите на танец!» (7, с. 137).

До советского времени все люди, даже с грудными детьми, выходили и присоединялись к танцующим. По тому, сколько человек выходило на этот танец, старейшина определял живых и мертвых. Арифметика была очень проста – раз не вышел человек, значит, помер (2, с. 33).

По обычаю танец начинают мужчины. Взяв друг друга под руки, медленно переступая с ноги на ногу, слегка пружиня в коленях, они двигаются по ходу солнца. Постепенно к ним присоединяются другие танцоры. Когда танцующих собирается достаточно много, в круг начинают входить женщины. Вначале все двигаются, опустив головы. Затем ритм танца постепенно убыстряется, все резко поднимают голову и делают энергичные движения вперед и назад. Таким способом они подражают бегущему оленю. Танцоры двигаются легко, свободно, не напрягая мышц. Когда запеваля произносит слова «хинмач, хинмач» («быстрее, быстрее»), темп убыстряется. Если взрослых много, дети внутри большого круга образуют свой круг. Сначала двигаются по движению солнца медленно и в таком же темпе повторяют слова запеваля (6, с. 196).

Хороводные песни время от времени прерывались гортанным дребезжанием и другими звуками, имитирующими крики различных животных (3, с. 192).

Запеваля соперничают между собой по голосу, по красочности и содержательности импровизации. Особый колорит в хороводной пляске придавали необычные звуковые сопровождения, немолкаемый звон побрякушек, металлических украшений на одежде танцующих, а также их яркая нарядная одежда.

И. Худяков описывает дореволюционный круговой танец: «Кружатся группы ламутов и ламуток в их коротких платьях близ шумящей речки на ровном безлесном месте между живописными утесами при заходящем или восходящем солнце, которое, освещая ярким светом одну сторону утесов, другую их сторону оттеняет темными красками. Олени виднеются в освещенных ущельях гор; тальниковые курева дымятся перед юртами; дети, старики и старушки сидят, сложивши под себя ноги... Такая картина действительно живописна. Недаром местные русские и якуты в восторге от летних ламутских праздников.

При пляске ламуты берутся под локти в круг и потом идут в одну сторону; сначала поют тихо и низко и идут тише, а потом напев становится громче, выше и скорее и круг обращается скорее. Ламуты-мужчины, желая блеснуть легкостью и грациозностью, закрывают глаза и откидывают голову назад; другие же держат голову книзу, следя за своими ногами. Ламутки в пляске тоже грациозничают и выпрямляются, как можно прямее, тогда как обыкновенно ходят согнувшись. В круг становятся человек 20, 30, 50 и даже 60; парень становится с любимой девушкой, мужчина с женщиной попарно, затем лишние смешиваются. Пляшут обыкновенно вечером или после солнечного заката, когда нежарко. Если даже зимой съедется несколько ламутских семейств, то они пляшут на дворе, на морозе, что, впрочем, бывает редко. Иногда женщины и мужчины пляшут отдельно» (8, с. 100–101).

Одними из исчезающих танцев эвенов можно считать танцы «Кинди» и «Эһымкай».

Танец «Кинди» – старинный женский. В прошлом он исполнялся молодыми женщинами, обладающими хорошим голосом.

Участниц танца было не более 8 человек – составленный круг двигался по солнцу. Круг соединялся руками таким образом, что танцующие правой рукой держали за локоть левой руки идущую с правой стороны. Это соединение рук напоминает крыло птички.

Одновременно с шагом сплетенные руки приподнимались невысоко вверх и вниз, подражая взмахам крыльев. От украшений, имеющихся на одежде, создается шум, напоминающий шорох полета, а голосовые звуки, воспроизводимые исполнителями танца, подражают щебетанию. Таким образом, танец «Кинди» – это подражание птичке Киндил (1, л. 16).

Старинный танец «Эһымкай» может вызывать интерес специалистов.

Раньше женщины в одиночку танцевали и напевали себе: «Эһымкай, эһымкай». Если находился желающий, то и он мог присоединиться к первому исполнителю, они вставали друг к другу лицом. Таким образом, этот танец могли танцевать и вдвоем.

Движение танца состояло из небольших прыжков из стороны в сторону и выбрасывания ног поочередно – то правой, то левой. В первом случае исполнитель проделывал движение руками, заложив их за спину, соединив в кисти, во втором случае – обхватив друг друга руками (Там же).

Как замечают специалисты, этот танец является более древним.

Таким образом, этническая культура требует в первую очередь бережного отношения к своему наследию, ответственности со стороны не только научного сообщества, но и творческой интеллигенции.

1. АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. О. 1. Ед. хр. 369.

2. Дегтярев А. М., Дегтярева Р. Г., Слепцов Ю. А. Эвены Момского района Республики Саха (Якутия). Якутск : ЯФ ГУ «Изд-во СО РАН», 2004. 40 с.

3. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагизированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.

4. Николаев С. И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 204 с.

5. Песни круговых танцев саха / Ин-т гуманист. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН; редкол.: Н. А. Алексеев; Е. Н. Романова; сост., подгот. текстов, коммент., примеч. С. Д. Мухомлевой. Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2011. 160 с.

6. Слепцов Ю. А. Применение традиционного праздника «Эвинек» в деятельности кочевого лагеря // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 9. С. 196–200.

7. Слепцов Ю. А. Применение традиционного праздника «Эвинек» в кочевого лагеря // Этнопедагогическое наследие народов Сибири и Центральной Азии в современном социокультурном пространстве (IV Волковские чтения) : мат. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 23–26 июня 2011 г. / науч. ред. С. В. Калмыков. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. С. 137–138.

8. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, 1969. 440 с.

В. А. Снытко, О. С. Романова
ГЕОГРАФ И ГЕОБОТАНИК ВИКТОР БОРИСОВИЧ СОЧАВА
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В научном наследии выдающегося советского ученого академика В. Б. Сочавы (1905–1978) особое место занимают исследования природы Дальнего Востока (1–3). Они были основаны на экспедиционных работах, проводившихся в 1930–1950-е гг., и касаются многих разделов ботаники, геоботаники, физической географии.

Начало работ В. Б. Сочавы в этом регионе положили исследования тундровой зоны в Анадырском крае и в бассейне р. Пенжины в 1929–1930-х гг. (4, 5). Экспедиции совершались по поручению Академии наук СССР, Акционерного Камчатского общества и Народного комиссариата земледелия в целях изучения растительного покрова как кормовой базы оленеводства.

В 1931–1938 гг. В. Б. Сочава в качестве начальника полевых партий и руководителя сектора геоботаники и кормов Института оленеводства проводил работы по оценке тундровых пастбищ. В 1932 г. он начал заниматься изучением тундры в районе бассейна р. Анабары и потом опубликовал ряд статей, посвященных природным условиям, растительности и оценке пастбищных оленьих угодий изученных территорий, а также вопросам тундроведения (6–15). В. Б. Сочава первым употребил в научной литературе термин «тундроведение» и дал анализ основных понятий в этой области знаний, дал определение тундры и первым отметил, что «тундровые ассоциации являются лишь преобладающими в тундровой зоне, но не исключительно составляющими ее» (8, с. 131), то есть считал необходимым разграничивать собственно тундровую растительность от встречающихся нетундровых формаций.

Работы В. Б. Сочавы внесли вклад в решение многих теоретических и методических проблем тундроведения: в разработку и уточнение его основных понятий (7, 8), изучение четвертичной истории и динамики тундровых ландшафтов, происхождение их флоры (10), выяснение причин безлесия тундр (9); генезиса пятнистых тундр (6), в разработку классификации тундровой растительности и построение фитоценологических рядов, сопряженных с действующими факторами среды обитания (15), а также в решение задач геоботанического и комплексного природного районирования (11).

Работа В. Б. Сочавы о растительности Анабарской тундры (14) оценена Б. Н. Горюновым как «исторический очерк развития проблемы классификации тундровой и горнотундровой растительности со времени Миддендорфа до наших дней» (15, с. 149). В. Б. Сочава полагал, что дробная геоботаническая классификация должна основываться на признаках местообитания и свойствах ра-

стителного покрова, что вытекало из его теоретических воззрений на растительную ассоциацию. Он был одним из первых геоботаников, осуществивших наиболее удачную разработку региональной классификации тундровой растительности до уровня ассоциаций. Ассоциации равнинных пространств Анабарской тундры он объединял по преобладанию соответствующей жизненной формы в восемь групп: арктокустарничковую, лишайниковую, мохово-мезофитную, сфагновую, травяно-гидрофитную, травяно-мезофитную, травяно-кочкарную, кустарниковую (15).

Исследования В. Б. Сочавой тундровых зон в совокупности с трудами коллектива геоботаников-тундроведов Института оленеводства и Всесоюзного арктического института дали богатый материал по состоянию оленьих пастбищ и рациональному их использованию (13, 14). На несколько лет эти учреждения стали центром научно-практических ботанических исследований в Арктике. По инициативе и непосредственном участии В. Б. Сочавы в качестве редактора с 1933 по 1938 год было издано 11 номеров серии сборников статей «Советское оленеводство». Статьи этой серии способствовали научному обоснованию и организации тундрового оленеводства как отрасли хозяйства в северных районах страны.

Личные результаты научных и прикладных исследований в тундровых зонах, а также активная организационная деятельность выдвинули В. Б. Сочаву в число ведущих тундроведов страны. Впоследствии он в соавторстве со своим учителем Б. Н. Городковым опубликовал крупную обобщающую работу по этому направлению научных исследований (17).

В период с 1931 по 1934 г. в составе экспедиции СОПС АН СССР В. Б. Сочава изучал малоизвестные тогда районы Приамурья и Приморья – Буреинский и Баджалский хребты и северный Сихотэ-Алинь, бассейны р. Амгуни, Горина и Урми. Результатом этих работ явились публикации В. Б. Сочавы (18–23). В них освещены особенности природных условий высокогорий и межгорных котловин региона. Ученым детально раскрыта специфика сформировавшейся здесь флоры и растительности, установлены причины безлесия гольцов, охарактеризованы типология и динамика таежной и высокогорной растительности, взаимоотношение сообществ, показана связь растительного покрова с атмосферной циркуляцией, определяющей, наряду с другими факторами, пространственную дифференциацию растительности.

Материалы дальневосточных исследований легли в основу докторской диссертации «География и ценология растительного покрова Приамурья и Приморья». В 1943 г. после успешной защиты В. Б. Сочава получил ученую степень доктора биологических наук, в 1944 г. он стал профессором Ленинградского государственного университета. В докторской диссертации и статьях В. Б. Сочавы обосновано введение новой таксономической единицы – фратрии формаций – в разработанную им генетическую классификацию растительности.

В 1950-х гг. В. Б. Сочава продолжал экспедиционные исследования в сибирских и дальневосточных регионах. Летом 1956 г. по командировке Ботанического института АН СССР он совершил непродолжительную поездку на Оленекско-Вилуйское плато и совместно с А. Н. Лукичевой провел исследования в Далдынском алмазном районе у Полярного круга, в верхней части бассейна р. Мархи – левого притока Вилуя. С участием Лаборатории аэрометодов АН СССР здесь проводились комплексные работы, связанные с поиском месторождений алмазов. Результаты исследований опубликованы в статье В. Б. Сочавы (24), рассматривающей общие ботанико-географические и палеоботанические вопросы, возникшие при изучении господствующей на северо-востоке Среднесибирского плоскогорья северотаежной растительности.

В 1957–1960 гг. Сочава участвовал в работах Амурской комплексной экспедиции СОПС АН СССР, организованной для разработки плана использования природных ресурсов бассейна р. Амур (в границах СССР и на территории Китая) в связи с перспективами строительства гидроэлектростанций в этом регионе. Наиболее подробно изучались территории Амуро-Зейского междуречья и северо-западной части Хейлунцзянской провинции Китая. В. Б. Сочава объединил усилия ботаников, зоологов, почвоведов, геоморфологов, климатологов для изучения сложных биоконплексов – биомов амурской тайги. Перед геоботаниками экспедиции он поставил задачи учета растительных ресурсов, выявления типологии и закономерности географии растительного покрова, проведения геоботанического картографирования и районирования территории.

В ходе исследований в бассейне р. Амур выявлены северные пределы распространения флоры маньчжурского типа, соотношение в лесных формациях подзоны широколиственно-хвойных лесов (подтайге) забайкальских, амуро-уссурийских и таежных видов. Установлен отчетливо выраженный на плато и равнинах широтный ряд зональности растительного покрова – от верхней части бассейна р. Зеи на севере до Цицикарской равнины – на юге.

Представления В. Б. Сочавы о ботанико-географических соотношениях в бассейне р. Амур изложены в коллективной монографии «Амурская тайга (комплексные ботанические исследования)» (25).

Исследования таежных пространств, в том числе дальневосточных, позволили В. Б. Сочаве сделать обобщение о тайге как типе природной среды (26). Фактический материал полевых исследований, проведенных в 1930–1950-е гг. на Дальнем Востоке, идеи, возникшие в ходе этих исследований, легли в основу многих трудов В. Б. Сочавы, изданных в этот период: география растительности, географические аспекты освоения тайги, теория геоботаники и ландшафтоведения, принципы классификации растительности, геоботаническое и ландшафтное картографирование и районирование.

В. Б. Сочава подчеркивает, что тайга занимает 10 % площади суши Земли, она может изучаться в разных аспектах (ландшафтном, ботанико-географическом, климатологическом, лесопромышленном и др.). Дает глубокий анализ понятий и термина «тайга» с конца XIX в. Начало научному обоснованию содержания слова «тайга» было положено Н. А. Северцовым в 1877 г. Рассмотрены представления о таежных пространствах В. В. Докучаева, А. Н. Бекетова, Г. И. Танфильева, П. Н. Крылова, Л. С. Берга, А. Е. Ферсмана. Особое внимание В. Б. Сочава уделил вопросу происхождения тайги как детища антропогена. Тайга им рассматривается как иерархия взаимосвязанных геосистем различных рангов и порядков. Он писал (26, с. 9): «Элементарной таежной геосистемой является фация, а также ее выделы и модификации, относящиеся к геомерам. Присущая фации структура (связи между компонентами, природные режимы, материальный и энергетический обмены, динамические тенденции и пр.) представляет первичную структуру геомеров. Таежные фации путем генерализации особенностей первичной структуры объединяются (систематизируются) в геомеры более высокого ранга: в группы фаций, а последние – в классы фаций и затем в геомы». Подчеркнуто, что типология и хорология таежных геосистем имеют три аспекта: планетарный, региональный и топологический, которые должны изучаться во взаимной связи; своеобразны структурные особенности таежных ландшафтов, а также их спонтанная и антропогенная динамика. Освоение тайги возможно при наличии достаточной географической информации и при обоснованных географических прогнозах. Это предполагало необходимость комплексных физико-географических исследований на стационарах, что было осуществлено под руководством В. Б. Сочавы в Азиатской России. Для этого им был разработан метод комплексной ординации (МКО) (27). Сущность этого метода состоит в том, что природные режимы синхронно и синтопно исследуются на полигонах-трансектах. МКО обеспечивает выявление особенностей природных сочетаний как систем, изменяющихся в пространстве. Геосистемы по трансекту изучаются поэлементно, с учетом того, что каждый элемент биогеоценоза от местоположения к местоположению переходит из одной системы связей в другую. Синхронные, несколько раз в год повторяемые наблюдения на всех постах трансекта дают обширную информацию, позволяющую довольно полно описать географическую ситуацию в целом.

О тайге, предмете внимания В. Б. Сочавы в течение полувека, им написано и сказано немало, но представление о тайге как явлении географическом нашло наиболее полное выражение в его фундаментальном труде «Географические аспекты сибирской тайги» (28). В книге приведены различия тайги по физико-географическим областям, ее особенности в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. Дан географический анализ таежных высокогорий на территории Азиатской России. На основе углубленных исследований В. Б. Сочавы в дальневосточных районах страны в книге описана специфика природных рубежей тихоокеанского влияния на сибирскую тайгу. Выявление и оценку этих рубежей он рассматривает как необходимое условие познания процессов формирования экономических районов.

В. Б. Сочава и в 1960–1970-е гг. проявлял интерес к Дальнему Востоку, о чем свидетельствует организация и проведение им во Владивостоке в 1962 и 1973 гг. научных совещаний географов Сибири и Дальнего Востока.

1. Виктор Борисович Сочава (жизненный путь, научное творчество). Новосибирск, 2001. 194 с.
2. Воробьев В. В., Снытко В. А. Виктор Борисович Сочава (1905–1978) // Творцы отечественной науки. Географы. М., 1996. С. 538–548.
3. Сочава В. Б. Проблемы физической географии и геоботаники. Избр. тр. Новосибирск, 1986. 345 с.
4. Сочава В. Б. О некоторых интересных растениях Анадырского края // Журнал Русского ботанического общества. 1930. Т. 15. № 4. С. 305–311.

5. *Сочава В. Б.* Гора Стадухина на крайнем северо-востоке Азии // *Природа*. 1930. № 11–12. С. 1172–1174.
6. *Сочава В. Б.* О пятнистых тундрах Анадырского края // *Труды Полярной комиссии АН СССР*. 1930. № 2. С. 51–68.
7. *Сочава В. Б.* Тундроведение и ягелеводство // *Советский Север*. 1931. № 1. С. 78–84.
8. *Сочава В. Б.* Некоторые основные понятия и термины тундроведения // *Журнал Русского ботанического общества*. 1931. Т. 16. № 1. С. 125–135.
9. *Сочава В. Б.* По тундрам бассейна Пенжинской губы // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1932. Т. 64. Вып. 4–5. С. 1–24.
10. *Сочава В. Б.* К истории флоры южной части азиатской Берингии // *Ботанический журнал СССР*. 1933. Т. 18. № 4. С. 278–286.
11. *Сочава В. Б.* Геоботанические работы в тундрах СССР в 1932 г. // *Ботан. журн. СССР*. 1933в. Т. 18, № 3. С. 215–216.
12. *Сочава В. Б.* Тундры бассейна реки Анабары // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1933. Т. 65. Вып. 4. С. 340–364.
13. *Сочава В. Б.* Естественные кормовые угодья тундровой зоны Якутии // *Советское оленеводство*. 1933. № 2. С. 47–118.
14. *Сочава В. Б.* Кормовое значение растений Крайнего Севера // *Советская ботаника*. 1933. № 3–4. С. 257–266.
15. *Сочава В. Б.* Растительные ассоциации Анабарской тундры // *Ботанический журнал СССР*. 1934. Т. 19. № 3. С. 264–304.
16. *Городков Б. Н.* Изучение растительности Советской Арктики за последние 20 лет // *Советская ботаника*. 1938. № 1. С. 143–159.
17. *Сочава В. Б., Городков Б. Н.* Арктические пустыни и тундры // *Растительный покров СССР*. Т. 1. М.; Л., 1956. С. 61–138.
18. *Сочава В. Б.* Высокогорная флора Дуссэ-Алиня // *Ботанический журнал СССР*. 1932. Т. 17. № 2. С. 185–202.
19. *Сочава В. Б.* Тундровые формы микрорельефа в Приамурье // *Природа*. 1944. № 5–6. С. 107–109.
20. *Сочава В. Б.* Элементы растительного покрова северного Сихотэ-алиня и их взаимоотношения // *Советская ботаника*. 1945. Т. 13. № 1. С. 14–32.
21. *Сочава В. Б.* Инверсии растительных ассоциаций в Приамурье и Приморье // *Рефераты работ учреждений Отделения биологических наук АН СССР за 1941–1943 гг.* М.; Л., 1945. С. 34–35.
22. *Сочава В. Б.* Причины безлесья гольцов Восточной Сибири и в Приамурье // *Природа*. 1944. Т. 76. Вып. 4. С. 169–177.
23. *Сочава В. Б.* Экологические типы реликтов маньчжурской флоры в связи с некоторыми палеогеографическими реконструкциями // *Доклады АН СССР*. 1945. Т. 48. № 9. С. 702–705.
24. *Сочава В. Б.* Тайга на северо-востоке Средне-Сибирского плоскогорья // *Ботанический журнал*. 1957. Т. 42. № 9. С. 1408–1415.
25. *Амурская тайга (комплексные ботанические исследования)*. Л., 1969. 198 с.
26. *Сочава В. Б.* Тайга как тип природной среды // *Южная тайга Приангарья*. Л., 1969. С. 4–32.
27. *Сочава В. Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск, 1978. 319 с.
28. *Сочава В. Б.* Географические аспекты сибирской тайги. Новосибирск, 1980. 256 с.

Н. А. Татаренкова РАННИЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ПЕРВАЯ МЕТЕОСТАНЦИЯ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

Официальным годом «рождения» метеорологической службы на Командорских островах считается 1899-й. Действительно, в «Климатологическом справочнике СССР по Камчатской области» (15, с. 27) за 1966 г. можно прочитать следующую информацию: «Метеорологические наблюдения начаты в январе 1899 г. Периоды работы станции: 1899–1906, 1910–1919, 1921 – по настоящее время. <...> Станция переносилась несколько раз, при этом менялась только высота, широта изменялась в пределах одной минуты». В другом источнике приводится указание на более ранние исследования: «В 1883–1884 годах ГФО приступило к организации государственной дождемерной сети. Очевидно, в соответствии с этим планом в 1883 г. в Преображенском (о. Медный) открывается

станция. По всей вероятности, в те времена о. Медный был административным центром Российско-Американской компании. <...> Станция на о. Медном (пос. Преображенское) в 1887 г. также прекратила свое существование» (8, с. 22). К сожалению, ни в первом, ни во втором случае не указаны источники информации. А во втором допущены две грубые исторические ошибки: село Преображенское никогда не было административным центром, а Российско-Американская компания прекратила существование к 1868 г. Выдвинутое во втором случае предположение базируется на проведении вольной аналогии с полуторогодичными наблюдениями священника Крахмолева в пос. Ключи. Как показали наши исследования, оба утверждения, увы, оказались ошибочными. Тем не менее, и первое, и второе имеют под собой реальную подоплеку.

Самые ранние метеорологические наблюдения, действительно, зачастую проводились священниками – наиболее грамотными членами сельских сообществ. Наша территория не была исключением. В дневниках миссионера Якова Нецветова, окормлявшего приход Атхинского отдела Российско-Американской компании в 1829–1844-х гг., можно найти спорадические записи о метеорологических наблюдениях. Они касались в первую очередь температуры воздуха и направления ветра (температуру Нецветов измерял в Реомюрах). И хотя записи подобного рода относились преимущественно к о. Атка (совр. Атка), легко предположить, что нечто подобное проводилось и на Командорах. Отдельные наблюдения следует искать также в судовых журналах того времени. Но о регулярных и долгосрочных исследованиях речи не шло.

В 1879–1882 гг. острова трижды посещал известный польский ученый, в ту пору уездный врач, Бенедикт Дыбовский. В пространной публикации 1885 г. «Острова Командорские» он впервые за всю историю приводит основные характеристики климата с оговоркой, что скоро появится возможность «ознакомиться с результатами метеорологических наблюдений, сделанных командой Смитсоновского института под руководством д-ра Стейнегера» (1, с. 11–14; пер. В. М. Ширияева, О. А. Куликовой под ред. Н. А. Татаренковой). Описание Дыбовского носит, скорее, художественный характер, в то же время, подмечены интересные фенологические факты:

«Чтобы человек, незнакомый с особенностями местности, смог понять, каков ее климат, он должен себе представить, будто там постоянно царит осень. Летом, в безветренную погоду, термометр в тени иногда показывает 20 °С, и даже 25°, но как только подует ветер, неважно откуда, сразу становится сыро и холодно, температура понижается, и приходится тепло одеваться. Ветер утих – становится снова тепло; подул – возвращаются сырость и холод. Зима и лето одинаково переменчивы. Иногда после обильных снегопадов небо становится ясным, и температура падает до –10°, –15 °С, оставаясь такой длительное время; потом сильный дождь смывает снег, и пейзаж снова становится осенним.

...Один алеут с о. Беринга сделал по моей просьбе ряд более или менее точных наблюдений, которые дали следующий результат:

Ясных дней 3 %
Дней то ясных, то пасмурных 14 %
Дней то ясных, то с дождем, снегом или туманом 52 %
Дней с дождем, снегом и сильным туманом 31 %
Грома нет нигде: ни тут, ни на Камчатке.

Если верить рассказам старожилов Командорских островов, то в последнее время климат стал гораздо мягче и теперь намного лучше климата побережья Камчатки. В доказательство можно привести такой пример: когда в мае в окрестностях Петропавловска лежал снежный покров 2 аршина толщиной, алеуты на о. Беринга сажали картошку. Осенние заморозки начинаются позднее, чем на Камчатке. Зима несравненно мягче, чем в самых теплых поселениях Камчатки, снега намного меньше – так что лошади, которых я привез на остров Беринга, всю зиму кормились в поле.

...мне рассказывали, что на острове Беринга помнят зиму, когда, насколько хватало глаз, океан был покрыт льдом, в том числе даже в тех местах, куда обычно алеуты в это время года выходят на своих байдарках...»

Упомянутые выше исследования Леонарда Стейнегера стали первыми, положившими начало систематическим метеорологическим наблюдениям на острове. При этом, по иронии случая, в своей ранней научно-популярной публикации он довольно жестко полемизирует с возлагавшим на него большие надежды Дыбовским: «Я могу противопоставить его данным проведенные мной метеорологические наблюдения в течение 18 месяцев по три раза на дно и подобные им еще в течение 12-ти месяцев...» (4, с. 268; пер. О. А. Куликовой). В действительности наблюдения продлились значительно дольше – с 22 мая 1882 г. по апрель 1886-го. Его напарником, а затем и сменщиком